

В субботу, 29 мая 1937 года с Северного вокзала Парижа отошел поезд, в одном из купе которого сидел опрятный старичок в очках с седенькой, клычишкой, бородкой. На коленях у него стояла корзина, из которой время от времени доносилось осторожное мяуканье. Это была кошка по имени Ю-ю, названная так в честь четвероногой героини одноименного рассказа Александра Ивановича Куприна — им-то и был седой старичок.

Рядом с ним неотлучно находилась немолодая худенькая дама, его жена Елизавета Морицовна. Она тоже ехала налегке — при ней был лишь баул с бутербродами. Ничего странного: отправляясь в обычную загородную поездку. Так, во всяком случае, было объявлено Куприну.

«ЗАГОРНАЯ ПОЕЗДКА»

растянулась на двое суток и закончилась... Закончилась на Белорусском вокзале Москвы торжественной встречей возвратившегося из эмиграции писателя. К тому времени, впрочем, он уже знал, куда везут его: жена сочла возможным известить об этом супруга, когда пересекли границу. Почему не раньше? А чтобы не волновать Александра Ивановича. И без того все последнее время, пока в глубокой конспирации готовился отъезд, пока распродавали библиотеку и отправляли украдкой багаж, он пребывал в крайнем возбуждении. Тайные визиты в советское посольство, необходимость держать все в секрете, иначе эмигрантская общественность подняла бы гвалт—все это вконец измотало больного писателя. Он знал, конечно, что скоро — очень скоро! — будет в Москве, но когда именно покинут Францию, жена, на всякий случай, держала в секрете.

Первого июня весь русский Париж ахнул, услышав, что Куприн вернулся на Родину. Кажется, это был последний сюрприз, который писатель преподнес своим как поклонникам, так и недоброжелателям. (Жить ему оставалось год с небольшим).

На разного рода сюрпризы Куприн был щедр необычайно. Одним из них явилась, бесспорно, повесть «Суламифь».

О ком до сих пор писал этот человек? Об офицерах и гимнастах, о чиновниках и музыкантах, о детях и женщинах легкого поведения. Но в любом случае — современниках. В любом случае — о соплеменниках. А здесь — глубокая старина... А здесь — далекая Палестина...

«Без хвастовства и излишней скромности считаю «Суламифь» одним из лучших своих произведений...».

Тема эта, надо сказать, волновала Куприна давно, он даже несколько раз принимался за нее, да все откладывал — не шло, а тут вдруг сел, и текст чуть ли не сам собой вылился на бумагу. Что случилось? Ответ дает один из мемуаристов, человек более чем близкий Куприну: родная его дочь Ксения.

«Любовь к Лизе возвращает его к давнишней мечте о пересказе «Песни песней», о великой любви царя Соломона к простой девушке из виноградников».

Так пишет Ксения Куприна в книге «Куприн — мой отец», и оснований не верить ей нету. Тем более что Лиза, вдохновившая художника на создание «Суламифи», — ее собственная мать, та самая немолодая худенькая дама, в сопровождении которой старичок с кошечкой на коленях много лет спустя покинул Париж.

Почему же Ксения называет ее не матерью, а по имени? Да потому, что во времена, о которых идет речь, она еще не была матерью. И женой Куприна тоже не была; это место, весьма почетное (известность Куприна росла как снежный ком), занимала другая: приемная дочь издательницы популярного петербургского журнала «Мир божий» Мария Карловна.

В респектабельный дом влиятельной издательницы Куприна ввел Бунин. То есть познакомил, по существу, с будущей женой. Та впоследствии тоже написала книгу о Куприне, где создала довольно благообразный образ супруга-писателя, но в архиве хранится ее письмо дочери Лидии — дочери Куприна от первого брака, — которое вносит в эту идиллию существенные коррективы.

«...Я очень любила твоего отца, Лидишка, и решить это разойтись с ним было очень трудно, но когда я убедилась в том, что больше не могу служить ему опорой и поддержкой потому, что он сам же довел меня не только до острой неврастеники... но даже и до более серьезного нервного расстройства, то я порвала с ним».

На самом деле порвал Куприн, которому стала немотогу великосветская жизнь и который, подобно своему герою, библейскому царю Соломону, предпочел знатной литературной даме «любовь... бедной девушки из виноградников».

В действительности, конечно, «бедная девушка» была ни из какого ни виноградника — откуда взялась виноградником в Петербурге! — а из того же дома, что и Мария Карловна. Стало быть, введя сюда Куприна, Бунин, по существу, познакомил его сразу с двумя будущими женами — первой и второй.

Вторая была тогда совсем девчушкой, на которую тридцатилетний силач (необычайную физическую силу Куприна отмечают все мемуаристы) не обратил внимания. Рядом с его массивной фигурой она, невысокая, «с миниатюрными ножками и ручками», выглядела совсем ребенком.

Но что же, спрашивается, делала она здесь? Кем приводилась хозяйке дома?

Никем. Просто в этой семье хорошо знали ее мать, и, когда та внезапно умерла, девочку взяли на воспитание. В двадцать лет она поступила в Общину сестер милосердия, а потом, когда Куприн был уже женат, поехала через всю Россию, в набитой битком теплушке, на русско-японскую войну.

Обратно вернулась с богатым и горьким жизненным опытом, разбитым сердцем (неудачная любовь) и медалями. У Куприна к тому времени родилась дочь; профессиональная сестра милосердия подражала за двадцать пять рублей в месяц смотреть ее и помогать заодно по хозяйству, для чего в начале мая 1906 года отправилась на дачу, которую любезно предоставил молодым родителям профессор

Петербургского университета Федор Дмитриевич Батюшков, чрезвычайно высоко ценивший талант Куприна. В жизни писателя — не только творческой, но и личной — этот человек сыграл огромную роль.

Место, где располагалась дача, а точнее — имение Батюшкова, называлось Даниловское. В обсаженном старыми липами пруду плавали кувшинки, на которые с трудом пробивались сквозь могучие кроны солнечные лучи. Именно здесь и родится — настанет час — «Суламифь». Но прежде родилась любовь Куприна к «маленькой Лизе».

Впервые он по-настоящему разглядел ее на одной петербургской вечеринке, где звучала гитара и блистал будущий знаменитый актер Качалов, расцвело же его поначалу робкое

ботливая хозяйка, с трогательной преданностью ухаживает за Александром Ивановичем и полным самоотвержением. Она немного прибавила его к рукам, и скоро два месяца, как он перестал пить».

Письмо датировано июнем 1907 года, а уже осенью в Даниловском, где когда-то вспыхнуло его чувство к Лизе, пишется «Суламифь». Это — художественное, так сказать, изображение любви, но ему предшествовали «теоретические» изыскания.

«Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в гололе, не в красках, не в походке, не в творчестве выражается индивидуальность», — рассуждает Куприн в одном из писем. — Но в любви. Ибо вся вышеречисленная буафория только и служит что определенному любви...»

Куприн знал, что говорил. «Бог дал ему такую неиссякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенных». Сказано сие о царе Соломоне, герое повести «Суламифь», но в равной степени — и о ее авторе.

Скажем откровенно: выдержать неистового Куприна могла не каждая; маленькая Лиза вы-

Уроки любви

Труд. — 1994 — Никонд. —

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Только эта хрупкая женщина могла обуздать неистового Куприна

чувство в Даниловском, под сенью тех самых лип. Здесь, подобно царю Соломону, столько раз слышал он на рассвете «милий женский голос, ясный и чистый, как это росистое утро».

Прикинувшийся пастушком царь объяснился в любви под лучами жаркого азиатского солнца, из рассказов же Елизаветы Морицовны дочери Ксении явствует, что у нее с Куприным это случилось, когда никакого солнца не было и в помине: неистовствовала гроза.

Мифическая Суламифь напугана тем, что слышат ее уши, тем, что видит ее глаза, но страх ее совсем иной, нежели тот, что охватил реальную сужающую девушку, пренасыщенную, чем все это чревато. Она не желает разбивать семью! Она не хочет отнимать отца у малышки... Словом, Лиза, насрочно собравшись — да и много ли вещей у нее, бесприданницы! — бежит из Даниловского. Куда? Куда глаза глядят. В забытый Богом госпиталь поступает на работу, в инфекционное отделение. Уж здесь-то ее, уверена она, не отыщут никто.

Самоотверженный поступок молодой женщины не спасает семью. Александр Иванович уходит из дому и живет в петербургской гостинице «Пале-Рояль», что на Николаевской улице. Многодневному тяжкому загулу не видно конца, и тогда его добрый гений — профессор Батюшков добывает адрес госпиталя, где скрывается Лиза, и едет к ней. Усадив против себя маленькую, во всем белом, сестру милосердия, прямо говорит, что Александр Иванович, гордость русской литературы, гибнет, и лишь она — она одна! — может спасти его. Она одна!

«Каким образом?» — тихо спрашивает сестра милосердия, профессиональная спасительница.

Очень простым, отвечают ей. Она должна, она просто обязана прямо сейчас ехать к терпящему бедствие.

Лиза едет. Поселившись в «Пале-Рояле», ставит единственное условие: Куприн должен лечиться.

И тогда она будет с ним? Да, обещает Лиза, тогда она будет с ним. Что бы ни случилось...

Он соглашается. Этой маленькой женщине он, большой неистовый человек, которому ничего не стоило швырнуть в воду городского, безропотного подчинялся. Весной 1907 года они отправляются вдвоем в финский санаторий Гельсингфорс.

О первых месяцах новобрачных, пока неустаканенных (вечернее состоит лишь через два года), добрый ангел Куприна Батюшков писал Корленко: «Елизавета Морицовна очень старательная, скромная и за-

держала. Выдержала и его загулы, и его разношерстных друзей, и страшную нужду, что обрушилась на них в эмиграции».

«Обитаем в двух грязных коммунатках, куда ня утром, ни вечером, ни летом, ни зимой не заглядывает солнце», — писал Куприн из Парижа. — Елизавета Морицовна сама стирает, стряплет и моет посуду...»

Но это еще не вся правда. Вся правда заключалась в том — об этом обнищавший писатель стыдливо умалчивает, — что Елизавете Морицовне приходилось вдобавок ко всему самой зарабатывать деньги, для чего она организовала переплетную мастерскую. Барышей это, однако, не приносило, дело вскоре лопнуло.

Чем мог помочь ей супруг? Ничем... Тягла с каждым днем его некогда богатирская сила, уходило здоровье, все хуже видели глаза. «Мама ему необходима каждую минуту, каждую секунду», — говорит о его последних годах дочь Ксения.

И все-таки иногда они ненадолго расстаются. Выкрюив из скудного семейного бюджета немного денег, отказывая себе во всем, Елизавета Морицовна отправляла Александра Ивановича на юг отдохнуть.

Он писал ей оттуда ежедневно.

«Сам не знаю, почему я так часто и нежно думаю о тебе. И во всех моих мыслях одно: нет лучше тебя ни зверя, ни птицы...»

Ни зверя, ни птицы! В устах автора «Ю-ю», «Слона», «Собачьего счастья», «Измурда» — рассказа о лошади, посвященного памяти толстовского Холстомера (случай в мировой литературной практике беспрецедентный), — в его устах это самое, пожалуй, большой комплимент.

Сколько же труда, сколько мужества, мудрости, терпения и любви — главное, любви! — потребовалось этой женщине «с миниатюрными ножками и ручками»? Другая давно бы слалась, из ее же уст не вырвалось ни единой жалобы. Напротив...

«Никогда не было и не будет женщины счастливее меня».

Слова эти произносит в повести Куприна девушка из виноградников Суламифь, но — прислушайтесь! — произносит голосом той, кто вдохновил ее создателя на российскую версию бессмертной «Песни песней».

Руслан КИРЕЕВ.

На снимке: Е. и А. Куприны. 1914 г.